

УДК 323 (520)

*Поташёв Д.В.
Potashyov D.V.*

Политический экстремизм и терроризм в Японии во второй половине 60-х-90-е гг. XX в.

Political extremism and terrorism
in Japan in the second half of the 60s – 90s of XX century

В статье рассматривается деятельность экстремистских и террористических организаций в 60-е-90-е гг. XX в., анализируется их идейно-теоретическая основа и методы действия. Автор прослеживает связь между «новыми левыми» и «новыми религиями» и экстремизмом и терроризмом в Японии.

Ключевые слова: *экстремизм, терроризм, «Антивоенный молодёжный комитет», «новые левые», «новые религии», «Аум синрикё»*

In the article the activity of the extremism and terrorism organizations in Japan in the second half of the 60s – 90s of XX century is classified. Its ideological principles and methods of actions are analysed. The author traces the connections between the «new lefts» and the «new religions» and the extremism and terrorism in Japan.

Key words: *extremism, terrorism, «Antimilitary young committee», «new lefts», «new religions», «Aum sinrikyo»*

Характерной чертой политической жизни Японии второй половины 80-х-90-х гг. XX в. было появление различного рода экстремистских и террористических организаций. До начала 80-х гг. XX в. преобладали левоэкстремистские политические организации и террористические объединения левого толка. Одной из левоэкстремистских организаций, чья деятельность была заметной во второй половине 60-х – начале 70-х гг., был «Антивоенный молодёжный комитет» (Хансэн сэйнэн иинкай (сокращённо – Хансэнин)).

Историки и теоретики считают точной датой его создания 30 августа 1965 г. Создание новой организации было связано с развёртыванием борьбы против заключения японо-южнокорейского договора и против агрессивной войны США во Вьетнаме. Эта молодёжная организация возникла по инициативе молодёжного отдела Социалистической партии Японии (СПЯ), Молодёжного отдела Генерального совета профсоюзов (Сохё) и Лиги социалистической молодёжи, находившейся под политическим влиянием СПЯ. Кроме них в создании «Антивоенного молодёжного комитета» приняли участие представители молодёжных отделов отраслевых объединений профсоюзов, студенческих организаций, Лиги демократической молодёжи, работавшей под руководством коммунистической партии Японии (КПЯ) [8, с. 36].

ПОТАШЁВ Дмитрий Вячеславович, соискатель Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** pravozashit@mail.ru

Лига демократической молодёжи выразила несогласие с политической и лозунгами создаваемого объединения и отказалась участвовать в его деятельности.

По замыслам создателей, «Антивоенный молодёжный комитет» (Хансэнин) должен был стать «независимой организацией совместной борьбы», объединяющей в себе «все молодёжные и студенческие организации, а также отдельных лиц, согласных с двумя целями – протестной борьбой против агрессии во Вьетнаме и борьбой за предотвращение ратификации японо-южнокорейского договора» [8, с. 37].

К 1968 г., когда уже сложилась устойчивая структура Комитета (Хансэнин), его участниками были молодёжные отделы СПЯ, «Сохё» и крупнейших объединений отраслевых профсоюзов, Лига социалистической молодёжи. А в качестве наблюдателей вошли представители студенческих группировок расколовшейся Всеяпонской федерации органов студенческого самоуправления (Дзэнгакурэн) – «Сампа» («Три Франции») и «Какумару» («Революционные марксисты»), отличавшиеся экстремистским характером своих действий [8, с. 226-227]. Новым моментом было участие представителей студенческого движения. Важным было то, что «Антивоенный молодёжный комитет» ставил своей задачей привлечение новых членов. Этому должна была соответствовать его организационная структура: общенациональные и профессиональные объединения строились на основе коллективного членства; на уровне городских и сельских объединений параллельно допускалось индивидуальное и коллективное членство, а низовые объединения (производственные и местные) строились на основе индивидуального членства.

Последнее обстоятельство имеет решающее значение для понимания сочувственного отношения социалистической партии к «Антивоенному молодёжному комитету», которая не имела своих низовых организаций на производстве. Партия прилагала усилия к их созданию, хотя её деятельность в этом направлении носила скорее всего декларативный характер [7, с. 50]. Хансэнин мог заполнить вакуум, который возник в результате деятельности СПЯ на производстве. Теоретики «Комитета» ясно выразили идею: в условиях отсутствия на производстве социалистической политической организации он берёт на себя роль «заводской партии» [8, с. 180].

В момент создания Хансэнин ставил перед собой вполне определённые цели: борьбу против агрессии во Вьетнаме и срыв ратификации японо-корейского договора. Этим целям отвечали выдвинутые лозунги: «Протестуем против войны во Вьетнаме!», «Америка, руки прочь от Азии!», «Силой предотвратим ратификацию японо-южнокорейского договора, направленного на создание антикоммунистического военного союза!», «Возвратим Окинаву!», «Не превращать Японию в базу для агрессии!», «Свергнем кабинет Сато – пособника войны, завоюем лучшую жизнь для студентов!». Последний лозунг указывал на стремление руководства организации к расширению своих рядов путём привлечения студенчества. С другой стороны, тот факт, что студенческие организации вошли в состав «Комитета» на правах наблюдателей, свидетельствует об их стремлении оставить за собой свободу действий.

В 1966 г., когда выяснилось, что предотвратить ратификацию японо-южнокорейского договора не удалось, в деятельности «Антивоенного молодёжного комитета» наступил застой. В 1968 г. встал вопрос о тактике Хансэнин, его отношении к существующим левым партиям и о его идейно-теоретической платформе. Большое влияние на деятельность «Комитета» оказала «майская революция» 1968 г. во Франции, в результате которой пал режим генерала де Голля и начался рост студенческих выступлений. «Комитет» выразил солидарность с движением

студентов во Франции, увидев в нём «свет, озаряющий будущее нашей страны» [8, с. 9].

В документах «Антивоенного молодёжного комитета» подверглась переоценке борьба против заключения японо-американского договора безопасности 1960 г. Подверглась резкой критике и роль рабочего класса в выступлениях 1960 г.: «В этой борьбе рабочий класс не сумел выполнить свою роль как руководящий класс всего народа»; «Такие действия рабочего класса как борьба силой забастовки (дзишурёку тосо) на производстве были крайне неприемлемы»; «в этих условиях руководящую инициативу взяли на себя студенты, городские слои, интеллигенция» [8, с. 153].

В таких оценках проявилось стремление «высвободиться» из-под влияния СПЯ – «Сохё», что привело к тому, что деятельность «Антивоенного молодёжного комитета» подпала под влияние студенческого движения и восприняла его идеологию и тактику прямого столкновения с государственной властью. В 1968 г. стала стремительно нарастать волна студенческих выступлений, достигнув наибольшего размаха в 1969 г. Это побудило правительство в форсированном порядке ввести чрезвычайный закон о вузах, дававший право министру просвещения в целях предотвращения конфликтов в вузах приостанавливать их финансирование. Число вузов, в которых происходили конфликты до 24 мая, когда был введён в действие этот закон, равнялось 54, но после введения закона оно не только не уменьшилось, но даже возросло до 77-ми к 1 октября [3, с. 501].

Конфликты часто приобретали острый характер, дело доходило до рукопашных схваток, строительства баррикад и уличных боёв. Студенты создавали «освобождённые районы» и отстаивали их в борьбе с полицией. В 1969 г. для усмирения бунтующих студентов, только после вступления в силу чрезвычайного закона о вузах, полиция была введена в 44 студенческих городка более 50 раз [3, с. 503]. Призывы о развёртывании баррикадных боёв стали рядовым явлением, например, на митинге молодёжных организаций в парке Хибия в Токио 5 сентября 1969 г. одним из лозунгов, выдвинутым участниками был: «Займём баррикадами вузы всей страны» [2, с. 6].

Волна студенческих выступлений захлестнула «Антивоенный молодёжный комитет»; тактика уличных боёв и прямых столкновений с властью была возведена в абсолют и распространялась в качестве универсального средства борьбы. Члены «Комитета» уже не довольствовались участием в уличных демонстрациях и маршах протеста. Они жаждали рукопашных схваток с полицией и подстрекали к ним демонстрантов. Эти методы были привнесены в движение экстремистскими группировками студентов «Сампа» и «Какумару», которые участвовали в «Комитете» в качестве «наблюдателей». Влияние этих студенческих организаций оказалось преобладающим благодаря тому, что внутри «Комитета» не было единства и он представлял собой верхушечную организацию, построенную из различных самостоятельных организаций, позиции которых часто не совпадали, а его идейная база была эклектичной и нечёткой [8, с. 97].

Коммунистическая партия Японии заклеила действия «Комитета» как троцкизм, но программа была осуждена как «пустозвоние, отдающее крайним экстремизмом», а его линия поведения как «провокационные действия против рабочего класса и демократических сил Японии» [1].

«Антивоенный молодёжный комитет» в своей деятельности обнаружил сходство с движениями «новых левых» 50-х-70-х гг. XX в. в странах Западной Европы, которые с помощью экстремистских и террористиче-

ских действий стремились создать революционную ситуацию. Японские исследователи демократического движения в своё время вполне правомерно выделяли пять элементов, составлявших идейную базу движения «новых левых» в Японии.: 1) бланкизм как движение революционного меньшинства; 2) анархизм, отрицающий государство и революционные партии; 3) синдикализм, возводящий в культ прямые действия профсоюзов, всеобщие стачки; 4) радикализм городских слоёв; 5) троцкизм под лозунгами «антиимпериализма, антисталинизма» [5, с. 359].

Японские «новые левые» испытали на себе также влияние идей Г. Маркузе. Характерно, что идеологи «Антивоенного молодёжного комитета», критикуя соцпартию Японии, употребляют маркузианский термин «интегрированная в систему» («тайсэй найка сарэта») [8, с. 191], а весь анализ рабочего движения, проделанный ими, по существу подчинён одной цели – доказать, что рабочее движение тоже «интегрировано в систему».

Испытанием для «Антивоенного молодёжного комитета» был 1970 г., когда развернулась борьба между правительством и демократическими силами за отмену договора безопасности. Эта борьба закончилась неудачей для демократических сил. Тактика прямых действий «Антивоенного молодёжного комитета», призванная всколыхнуть общество и создать революционную ситуацию, не увенчалась успехом. Вскоре после подписания четырёхстороннего соглашения 1973 г. о прекращении войны и восстановления мира во Вьетнаме перестала быть актуальной и агрессия США во Вьетнаме и участие в ней Японии. Поэтому и деятельность «Антивоенного молодёжного комитета» сошла на нет.

В Японии в это время существовали и другие экстремистские и террористические организации левого толка. Одной из них была находившаяся под влиянием маоизма «Сэкигунха» («Красная армия»), стремившаяся развернуть партизанскую войну в труднодоступных районах Японии. Однако её деятельность не имела слишком большого резонанса.

Во второй половине 60-х-70-х гг. преобладали левоекстремистские организации. Деятельность правоекстремистских обществ находилась в их тени. К таковым, в частности, можно отнести «Общество щита» («Танэно-кай») известного японского писателя Мисима Юкио. После неудавшегося государственного переворота в ноябре 1970 г. Мисима совершил ритуальное самоубийство, и «Общество щита» прекратило своё существование [10, с. 131].

Ситуация изменилась к 1990-м гг. 20 марта 1995 г. японское общество было взбудоражено тем, что была проведена газовая атака в Токийском метрополитене. Как утверждал московский корреспондент газеты «Токио симбун» Х. Инагума, – «это был самый ужасный за послевоенные годы инцидент» [4, с. 75]. За этим инцидентом стояла религиозная организация «Аум синрикё», возглавляемая Асахара Теруаки. Характерно то, что большинство приверженцев «Аум синрикё» составляла японская молодёжь. Это обстоятельство отражало перемены в умонастроениях молодых японцев. Х. Инагума писал в связи с этим: «В большей части статей подчёркивалось, что японская молодёжь, будучи продуктом машинной цивилизации, сделалась бесхарактерной, утратила способность к критическому осмыслению живого слова и с лёгкостью вводилась в заблуждение софистами типа Асахары. Среди приверженцев «Аум синрикё» оказалось немало представителей молодёжной элиты – выпускников известных вузов, но ведь при японской экзаменационной системе с её механической оценкой знаний от них требуется наращивание не мыслительного, а лишь запоминательного потенциала, как у роботов» [4, с. 76].

Эта религиозная организация была основана в 1984 г. под названием «Аум», а в июле 1987 г. переименована в «Аум синрикё» [11, с. 23]. К 1995 г. число её приверженцев в Японии составляло 15 тыс. чел. [4, с. 75]. «Аум синрикё» имела разветвлённый характер и распространила свою деятельность за пределы Японии. За границей её опорными пунктами были четыре государства – США, Германия, Россия и Шри Ланка [11, с. 24]. В России всего лишь за три года своей деятельности ей удалось вовлечь в свои ряды 30 тыс. чел. [11, с. 25].

Деятельность «Аум синрикё» вписывается в рамки так называемых «новых религий», которые получили большое распространение в Японии после Второй мировой войны. Для этих религий была характерна авторитарная система, акцент на работу с молодёжью и активная прозелитская деятельность. По классификации, которую даёт известный российский японовед Г.Е. Светлов [9, с. 416–417], «Аум синрикё» можно отнести к «смешанным религиям», догмы и религиозная практика которых складывались на основе различных религиозных течений.

Исследователи по-разному характеризуют течения, которые легли в основу идеологии «Аум синрикё». В частности, утверждается: «ОМ (AUM) называется понятие санскритского происхождения, которое на санскрите означает создание, поддержание и разрушение космоса, она включает в себя тибетскую магию, первоначальный буддизм и индуизм» [11, с. 22]. Но такая характеристика является неполной, она относится скорее к изопрённой психотехнике, чем к доктринальной стороне учения. Правильнее выглядит характеристика этого учения как «комплекса тибетских тайных учений, буддизма и христианства». «Предрасположенность «Аум» к глубоким теоретическим штудиям в конце концов придала логичность сумасбродным идеям Асахары, превратила его антисоциальное мировоззрение в серьёзную доктринальную оболочку» [4, с. 77]. Выяснено, что деятельность «Аум» стала экстремистской, а сама секта двинулась по пути милитаризации с того момента, когда Асахара познакомился с «Откровением Иоанна Богослова», в котором рассказывается о пришествии Царства Божия и гибели земных царств [4, с. 77]. Опираясь на содержащееся в «Откровении Иоанна Богослова» предсказание последней войны (Армагеддона), «Аум» начала вооружаться.

Ещё одним истоком «Аум» является исследование одного из направлений «ваджраяны («Алмазной колесницы»), истолкование которой послужило обоснованием необходимости смело творить зло во имя спасения: зло, творимое во имя спасения – святое зло [4, с. 77].

Асахара пришёл к убеждению о необходимости «самостоятельной подготовки и самостоятельного проведения» Армагеддона. Незадолго перед проведением газовой атаки в Токийском метрополитене он ознакомился с книгой японского психиатра Т. Кавадзары под названием «Сценарий уничтожения», в которой была обоснована точка зрения, согласно которой все действия Гитлера были сознательно нацелены на реализацию пророчеств Нострадамуса [4, с. 79]. Ранее Асахара перевёл старинный манускрипт Нострадамуса.

Как уже отмечалось, деятельность «Аум синрикё» приобрела большой размах в России. Она не ограничилась только религиозной сферой. В 1994 г. эта организация закупила вертолёт Ми-17 и планировала организацию учебных стрельб с использованием российского оборудования. Японская полиция арестовала одного из руководителей «Аум синрикё» Хаякава Кидайка, который часто навещался в Россию с целью установления контактов с соответствующими военными кругами [11, с. 25].

В японских средствах массовой информации подробно освещался судебный процесс над главой «Аум синрикё» Асахарой [6].

Трудно выявить какую-то определённую закономерность в развитии политического экстремизма и терроризма в Японии во второй половине 60-х-90-е гг. XX в., но очевидно, что эти явления отражают изменения в политической ситуации и сдвиги в общественном развитии страны.

Литература

1. Акахата. 1968. 12. 18.
2. Асахи дзянцу (журнал Асахи). 1969. № 38.
3. Асахи нэнкан. 1970. Еженедельник Асахи 1970. Токио, 1970. 610 с.
4. Инагума Х. Асахара и безумства «Аум синрикё» // Знакомьтесь – Япония. 1996. № 13.
5. Кокка докусэн сихонсюги-то родо кумиай ундо. Кэнсю Оути Хё Эй, Сакисака Ицуро (Государственно-монополистический капитализм и профсоюзное движение. Под ред. Оути Хё Эй, Сакисака Ицуро. Токио, 1971. 410 с.
6. Майнити симбун. 1996. 24-26.04.
7. Раховецкий Г. Японские социалисты сегодня. // Азия и Африка сегодня. 1968. № 11.
8. Таками Кэйси Хэнтё. Хансэн сэйнэн иинкай (Таками Кэйси. Антивоенный молодёжный комитет). Токио, 1968. 208 с.
9. Япония. М.: «Республика», 1992. 544 с.
10. 500 знаменитых японцев. М.: Япония сегодня, 2003. 296 с.
11. Flash. Экстренный дополнительный выпуск. 1995. 20.05.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Akakhata. 1968. 12. 18.
2. Asakhi dzyantsu (zhurnal Asakhi). 1969. № 38.
3. Asakhi nehnkan. 1970. Ezhenedel'nik Asakhi 1970. Tokio, 1970. 610 s.
4. Inaguma KH. Asakhara i bezumstva «Aum sinrikyo» // Znakom'tes' – YAponiya. 1996. № 13.
5. Kokka dokusehn sikhonsyugi-to rodo kumiaj undo. Kehnsyu Outi KHyo EHj, Sakisaka Itsuro (Gosudarstvenno-monopolisticheskij kapitalizm i profsoyuznoe dvizhenie. Pod red. Outi KHyo EHj, Sakisaka Itsuro. Tokio, 1971. 410 s.
6. Majniti simbun. 1996. 24-26.04.
7. Rakhovetskij G. YAponskie sotsialisty segodnya. // Aziya i Afrika segodnya. 1968. № 11.
8. Takami Kehjsi KHehntyо. KHansehn sehjnehn iinkaj (Takami Kehjsi. Antivoennyj molodyozhnyj komitet). Tokio, 1968. 208 s.
9. YAponiya. M.: «Respublika», 1992. 544 s.
10. 500 znamenitykh yapontsev. M.: YAponiya segodnya, 2003. 296 s.
11. Flash. EHkstreennyj dopolnitel'nyj vypusk. 1995. 20.05.